

Каждое проявление жалости к палачу — это фактически пытка для жертвы. Цинь Гэ понимал, что никто не может говорить от имени убитых детей, выражая прощение или сострадание к убийце. Они уже родились, стали полноценными людьми, независимыми личностями, а не чьей-то собственностью. Даже родители не имеют права решать, жить им или умереть.

Каждый, кто говорит от имени детей: «Жизнь — это страдание», на самом деле говорит не о страданиях детей, а о своих собственных. Это боль взрослых, родителей, старших, которые не хотят брать на себя ответственность и бремя. «Страдания» детей — это всего лишь оправдание для их собственного самосожаления, чтобы чувствовать себя спокойно.

Даже если в итоге решено отказаться от ребёнка, смерть — не единственный вариант.

Поэтому, узнав правду, ни он, ни его товарищи не пытались найти оправдания для Цай Миньюэ — в мире нет никаких причин, которые давали бы право убивать уже родившегося, невинного ребёнка.

После долгого молчания Гао Тяньюэ сказал:

— Кроме Цай Миньюэ, родители тоже убийцы.

— Поэтому, директор Гао, вы должны передать этот отчёт в Отдел уголовного розыска, — сказал Цинь Гэ. — У Отдела регулирования ограниченные возможности, мы не справимся с этим. Как только начнётся расследование Цай Миньюэ, найти тех, кто платил ей за убийства, будет несложно.

— Если я не соглашусь начать расследование и не передам ваш отчёт на утверждение в Комитет по делам особых людей, Цинь Гэ, что ты будешь делать?

— У меня есть другие способы, — взглянул на Гао Тяньюэ Цинь Гэ. — Но последствия будут неприятными, как для меня, так и для Кризисного бюро, или для заместителя Цай из Комитета.

Гао Тяньюэ подумал: «Ну и ну, угрожает».

Он не боялся этой угрозы. Напротив, он даже обрадовался. Эта радость немного развеяла его усталость, и на лице появилась улыбка.

— Хорошо, — он жестом попросил Цинь Гэ передать отчёт.

Цинь Гэ не мог понять, почему Гао Тяньюэ так резко изменил своё отношение. До того как войти в кабинет, он считал, что убедить директора будет крайне сложно, ведь все в Кризисном бюро знали, что после ухода Цинь Шуаншуан Гао Тяньюэ был назначен напрямую из Комитета по делам особых людей.

Все считали, что он человек Комитета.

Гао Тяньюэ:

— Не переживай, отчёт попал ко мне не зря. В течение недели ты увидишь прогресс в этом деле. Однако ты думаешь о том, как наказать Цай Миньюэ, медсестёр и родителей, а я думаю о том, как провести расследование, не навредив репутации Кризисного бюро.

Цинь Гэ не мог помочь в этом, поэтому решил попрощаться. В этот момент Гао Тяньюэ жестом подозвал его ближе и спросил:

— Как тебе работа с командой Отдела регулирования за эту неделю?

Когда Бай Сяююань вернулась в Отдел регулирования, Се Цзыцзин играл с пандой Тан Цо, а сам Тан Цо сидел, нервно ожидая новостей.

— Отчёт в порядке, можем готовить приложения, — вдруг понизив голос, добавила Бай Сяююань. — Но когда я разговаривала с Лэй Чи, услышала, как директор Гао стучит по столу. Цинь Гэ был в его кабинете.

Тан Цо, только что успокоившийся, снова заволновался:

— Цинь Гэ ещё не вернулся.

Се Цзыцзин, держа панду, подошёл:

— Может, пойдём поддержать Цинь Гэ?

— Не нужно, — сказала Бай Сяююань. — Директор Гао, как бы он ни злился, не станет срывать на Цинь Гэ. Его родители работают в структурах Комитета по делам особых людей.

Се Цзыцзин сразу потерял интерес к панде, поставил её на стол Тан Цо и сел рядом с Бай Сяююань:

— А чем занимаются родители Цинь Гэ?

Бай Сяююань лукаво улыбнулась:

— Почему ты так интересуешься Цинь Гэ? Признавайся, ты в него влюблён?

— Да, — спокойно ответил Се Цзыцзин. — Мы раньше встречались.

Тан Цо даже вздрогнул:

— Что?!

Бай Сяюань первой выразила сомнение:

— Не похоже, Цинь Гэ выглядит так, будто совсем тебя не знает.

Се Цзыцзин:

— Мы расстались, поэтому он, наверное, ещё злится на меня.

Он откинулся на спинку стула и улыбнулся:

— Но я всё ещё люблю его. Когда увидел его впервые, радость сразу вернулась.

Бай Сяюань ткнула его ручкой в голову:

— Всё равно не сходится. Если вы встречались, почему ты не знаешь о его семье?

Тан Цо тоже вспомнил:

— Ты раньше даже не знал, какой у Цинь Гэ духовная сущность.

Се Цзыцзин на этот раз не стал повторять свою старую отговорку о тайных отношениях.

Он покачался на стуле, затем указал на свою голову.

— У меня тут проблемы, — улыбнулся он. — Много забыл.

Тем временем в кабинете Гао Тяньюэ Цинь Гэ размышлял, как ответить на его вопрос.

— Тан Цо и Бай Сяюань отличные, — честно сказал он. — Тан Цо умен и внимателен. Бай Сяюань мастерски справляется с работой.

Гао Тяньюэ кивнул, улыбаясь:

— Их назначили к тебе не случайно. А Се Цзыцзин?

Цинь Гэ...

— Се Цзыцзин в Западном управлении известен как первоклассный Страж, его способности впечатляют, — сказал Гао Тяньюэ. — С ним легко ладить, никто никогда не жаловался.

Цинь Гэ:

— Пока я не заметил ничего особенного в Се Цзыцзине.

Гао Тяньюэ удивился.

Цинь Гэ:

— В отделе кадров сказали, что у него нет приказа о переводе. Его отстранили из-за инцидента, а вы специально попросили его работать со мной. Потому что я ментальный регулятор.

Гао Тяньюэ смутился. Он кашлянул и серьёзно сказал:

— Ты уже патрулировал «море сознания» Се Цзыцзина?

Цинь Гэ:

— ...Нет.

Никто не захочет войти в «море сознания», полное мусора. — Эту фразу он оставил при себе.

Гао Тяньюэ выглядел очень серьёзно:

— Признаю, у меня были свои причины назначить его к тебе. Се Цзыцзин слишком талантлив, чтобы его бросать из-за проблем в «море сознания».

Цинь Гэ:

— Вы могли просто сказать, что его «море сознания» ненормально.

Гао Тяньюэ удивился:

— Кто сказал, что оно ненормально?

Цинь Гэ тоже удивился, затем вспомнил, что даже Се Цзыцзин никогда не говорил, что оно ненормально. Он лишь упоминал, что в его «море сознания» есть проблемы или что-то не так.

Гао Тяньюэ указал на голову:

— Если будет возможность, ты должен войти в «море сознания» Се Цзыцзина. Оно повреждено, ситуация странная, ты сам увидишь.

С тех пор как Се Цзыцзин получил удар от Цинь Гэ за украденный поцелуй, он стал вести себя сдержаннее. Каждый день он покорно следовал за Цинь Гэ на работу и домой, и даже соседи Цинь Гэ знали его, хваля «высокого и красивого кузена».

— Ты теперь мой кузен? — спросил Цинь Гэ. — Почему не сказал, что ты мой парень?

Се Цзыцзин сидел на диване, держа на руках ангорского кролика Цинь Гэ и смотря фильм. Кролик внимательно следил за экраном, где красивый зомби сражался с людьми, а Се Цзыцзин левой рукой держал журнал, а правой гладил кролика.

На обложке журнала был крупный снимок полужомбированного человека, а заголовок кричал: «Сколько ещё раз нас будут убивать в ваших фильмах?»

— Парень? — Се Цзыцзин сделал вид, что смутился. — Не говори так, мне стыдно. Это слишком неожиданно, я не готов.

Цинь Гэ...

Он уже привык к пустословию Се Цзыцзина.

Поставив стакан с водой на кухонный стол, Цинь Гэ подошёл к дивану и положил руку на плечо Се Цзыцзина. Его волосы, ещё влажные после душа, капали на плечо, оставляя тёмные пятна на серой ткани.

Кролик в руках Се Цзыцзина нехотя потёрся о его ладонь, затем медленно превратился в туман и вернулся в тело Цинь Гэ.

Се Цзыцзин поднял голову, быстро улыбнулся:

— Хочешь поцеловать меня? Этот ракурс я много раз представлял.

Отчёт был передан Гао Тяньюэ, работа Отдела регулирования завершена, теперь всё в руках директора и Отдела уголовного розыска. Завтра выходной, и Цинь Гэ не беспокоился, что его состояние может помешать работе.

— Се Цзыцзин, могу ли я войти в твоё море сознания? — спросил он.

Се Цзыцзин удивился, некоторое время смотрел на Цинь Гэ, затем медленно улыбнулся:

— Почему?

<http://bllate.org/book/15560/1384505>